

**АЛЕКСАНДР
БЕЛЯЕВ**

ОРДЕН

РЕСПУБЛИКИ

Александр Беляев
Орден республики

Беляев А. Р.

Орден республики / А. Р. Беляев — «Public Domain»,

«Доктор Петр Федорович Прозоров жил в большом старом доме, который все в городке называли «докторским». Дом стоял в саду, сад примыкал к лесу. А за лесом текла река. Дом был казенный и принадлежал больнице. Но Прозоров уже забыл об этом, потому что жил в нем давно, лет тридцать, с того самого дня, когда приехал в городок на должность врача...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	20
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Беляев

Орден республики

Глава 1

Доктор Петр Федорович Прозоров жил в большом старом доме, который все в городке называли «докторским». Дом стоял в саду, сад примыкал к лесу. А за лесом текла река. Дом был казенный и принадлежал больнице. Но Прозоров уже забыл об этом, потому что жил в нем давно, лет тридцать, с того самого дня, когда приехал в городок на должность врача.

Сначала Прозоровы жили втроем: Петр Федорович, его жена и их сын Николай. Потом все изменилось. Уехал в Петербург Николай. Умерла жена. Доктор на долгое время остался один. Но за год до того, как в столице началась революция, к доктору, для укрепления здоровья на чистый воздух Закавказья, приехала внучка Женя – дочь Николая. Приехала на лето. А задержалась на четыре года.

В стране бушевало пламя гражданской войны. Власть в Закавказье захватили белые. Дашнаки и мусаватисты¹ преследовали большевиков. В городах и селах свирепствовали белоказаки. Петроград оказался за линией фронта. Связи фактически с ним не было никакой. И Петр Федорович разумно решил дожидаться более спокойных времен, чтобы отправить Женю к отцу.

А они, эти времена, судя по всему, были уже недалеко. Красная Армия теснила белых по всему Кавказу. Бои разворачивались где-то совсем рядом. И имелись все основания предполагать, что части красных вот-вот вышибут белых из городка.

Однако Женя и сама не очень рвалась в полуголодный Питер. Мать у нее умерла. Она ее почти и не помнила. А отец – крупный специалист по строительству мостов – все время находился в разъездах. Взорванных, разрушенных и сожженных мостов после гражданской войны осталось столько, что восстанавливать их и строить заново приходилось не покладая рук. Так что в Питере Жене наверняка пришлось бы большую часть времени жить одной. А здесь, у бабушки, она не знала, по сути дела, никаких забот. Разве только убирала после чая со стола посуду да кормила большого пушистого рыжего кота Маркиза.

В тот памятный вечер, который Женя запомнила на всю свою жизнь, она после чая мыла блюда и чашки в большой миске, вытирала их полотенцем и ставила в старинный резной буфет. А доктор Прозоров, нацепив очки, сидел в своем кабинете возле большой керосиновой лампы-молнии и читал письма. Почта работала с перебоями. Письма и прочая корреспонденция доставлялись с запозданием, зато сразу большими порциями. Новостей набиралось много, а доктору хотелось их узнать поскорее и все.

Сегодня его особое внимание привлекло письмо из Владикавказа. Писал доктору его старый друг и коллега врач железнодорожной больницы. Письмо направлял через фронт с оказией. Через Тифлис до Еревана его везли проводники, потом на почтовом дилижансе до Дилижана, далее до городка нес почтальон. Коллега сообщал, что после изгнания из Владикавказа белых жизнь в городе и крае успешно налаживается, что Советская власть не жалеет денег на медицинскую помощь населению...

– Дедушка, а куда запропастился Маркиз? – услышал вдруг доктор голос внучки.

Петру Федоровичу не хотелось отрываться от письма, и он ответил первое, что пришло ему на ум:

---

¹ Дашнаки и мусаватисты – члены буржуазно-националистических контрреволюционных партий Армении и Азербайджана.

– Не знаю. У него нет привычки сообщать, куда он уходит.

– Да, но я не видела его с утра, – пожаловалась Женя.

– Ничего. Есть захочет – придет, – успокоил ее доктор.

– А может, все-таки пойти его поискать?

– На ночь глядя? В такое время? Ты с ума сошла. В городишке творится бог знает что: поножовщина, драки, пьяная солдатня... Никуда не смей ходить! – доктор вновь погрузился в чтение и неожиданно для Жени сердито выругался: – Это черт знает что такое! Страница пропала!

– Какая страница? – не поняла Женя.

– Да из письма! Друг мой пишет, что узнал что-то о твоём отце, и, как назло, именно в этом месте нет целой страницы! – Доктор возмущенно сорвал с носа очки.

– Наверное, не вложил в конверт, – предположила Женя.

– Уж лучше бы он остальное забыл, а этот листок отправил, – проворчал доктор и опять взялся за письмо.

Женя убрала посуду, отнесла на кухню миску и снова вернулась в столовую. И в этот момент она совершенно ясно услышала голос Маркиза. Кот мяукал на крыльце. Он просился в дом.

– Пришел! – обрадовалась Женя, проворно выбежала в сени, отодвинула тяжелый засов и открыла дверь.

Она была уверена, что Маркиз тотчас прошмыгнет возле ее ног в дом. Но кота на крыльце не оказалось. Женя вышла на ступеньки. В саду было темно, шумел ветер, качая ветки деревьев. Откуда-то издалека, очевидно из-за гор, доносилась, как отдаленный гром, тяжелая артиллерийская стрельба.

– Маркиз! Маркиз! – позвала Женя.

Кот мяукнул возле забора.

– Сюда иди! Кис-кис! Вот глупый! – Женя спустилась с крыльца.

И в тот же миг кто-то большой и сильный схватил ее за плечи, зажал ей ладонью рот и потащил в глубину сада. Женя даже не успела крикнуть. Она попыталась освободиться. Но ее держали очень крепко. И так же крепко зажимали ей рот. Она чуть не задохнулась. Но рука неожиданно разжалась, в рот ей засунули какую-то тряпку, на голову надели мешок, подняли на седло и повезли неизвестно куда. От страха Женя почти потеряла сознание. А когда снова обрела способность все чувствовать, то поняла, что ее увозят в горы, потому что лошади скакали уже не так быстро и шея у той лошади, на которой ее везли, задралась почти вертикально.

Глава 2

Белые отходили из села с боем. Их пулеметы, установленные на колокольне церкви и в каменном подвале купеческого дома, не давали красным войти в село до тех пор, пока артиллеристы прямой наводкой не подавили обе эти вражеские огневые точки. Отряд красных конников ворвался в село. Было уже сумрачно. Пахло гарью. На базарной площади, неподалеку от церкви, горели дома. Несколько человек пытались их тушить. На окраине еще слышались выстрелы.

Командир отряда остановил коня и приказал ординарцу вызвать командира второго эскадрона Пашкова. Тот прискакал на площадь и доложил:

– По вашему приказанию прибыл!

– Выводи эскадрон из боя, – распорядился командир.

– Понял. И куда его? – спросил Пашков.

– Осмотри хорошенько село. Проверь каждый дом, каждый сарай – не затаился ли где какой враг. Соберите оружие, что побросал противник...

– Понял!

– Потом получишь дополнительную задачу, – сказал командир отряда.

– И это понял, – ответил Пашков и вдруг привстал на стременах. – Начальство какое-то пожаловало.

Командир отряда развернулся в седле.

– Верно. И товарищ Киров там, – сказал он, разглядев в группе командиров коренастую фигуру члена Реввоенсовета 11-й армии Сергея Мироновича Кирова. – Выполняй, Пашков, приказание.

Пашков прищпорил коня и почти с места галопом помчался за своим эскадронам. А командир отряда поспешил туда, где остановилось прибывшее из армии начальство. Он слез со своего коня в сторонке, кинул поводья на ходу ординарцу, подошел к члену Реввоенсовета и представился по всей форме. Киров сразу же перешел к делу.

– Потери большие? – спросил он.

– До полсотни убитых и раненых, – доложил командир отряда. – Огонь белые вели сильный, товарищ член Реввоенсовета.

– Понимаю, что трудно было, – кивнул Киров. – И дальше будет трудно. Белые без боя не отдадут нам ни одного дома, ни вершка земли, ни пуда хлеба. Но Кавказ и Закавказье должны быть советскими. И они будут советскими. И мы будем не только воевать, но везде, где только можно, будем помогать людям налаживать новую мирную жизнь. Надо сейчас же организовать тушение пожаров.

– Сейчас сюда вернется второй эскадрон. Пожары потушим, товарищ член Реввоенсовета, – заверил Кирова командир отряда.

– Это еще не все. Пошлите людей по домам. Если среди населения имеются раненые, немедленно организуйте медицинскую помощь, – продолжал Киров.

– Для своих бойцов медикаментов не хватает, – хмуро заметил кто-то из прибывших товарищей.

– Знаю, – быстро ответил Киров. – И все-таки будем делиться с населением всем, что у нас есть. Каждый выздоровевший раненый завтра станет таким же активным защитником революции, как мы с вами.

Киров говорил негромко, но четко и твердо. Он не просто приказывал. Он разъяснял и одновременно убеждал.

– Это не все. Особое внимание надо обратить на сирот.

– А с ними что делать? – спросил кто-то.

– Прежде всего, их надо выявить. Дети – наше будущее. И если мы не позаботимся о них сегодня, у нас не будет нашего революционного завтра. Сирот надо не только выявлять, но и подбирать.

– А куда девать? Возить в обозе? А чем кормить? – послышалось сразу несколько вопросов.

– Отправляйте в детские дома в освобожденные Красной Армией города. Отправляйте, в конце концов, в Россию.

На площади появились бойцы второго эскадрона во главе с Пашковым. Командир отряда без труда узнал, даже в сумерках, его могучие плечи, белую кубанку с широкой красной лентой и кожаную куртку. Попросив у Кирова разрешения, он сел на коня, поскакал навстречу Пашкову и передал ему все распоряжения члена Реввоенсовета.

Пашков, как обычно, слушал молча. Но когда разговор зашел о сиротах, на лице его выразилось полное недоумение.

– Что же, моим хлопцам нянькаться с ними?

– Поступать так, как того требует товарищ Киров. А значит, и наша партия, – пояснил командир отряда.

– А воевать кто будет... – хотел было уточнить Пашков, и вдруг его черные глаза широко раскрылись и замерли. А сам он весь подался в седле вперед и громко крикнул: – Глянь-ка, командир! А ну, хлопцы, тащите его.

Командир отряда невольно обернулся и увидел, как над срубом стоявшего неподалеку колодца появилась чья-то рука и уцепилась за сруб. К колодцу сейчас же подбежали бойцы и вытащили из него парнишку. С парнишки ручьями текла вода, он не стоял на ногах.

– Может, качнуть его? – предложил, подъезжая, Пашков.

– Живой он.

– Только нахлебался здорово, – объяснили бойцы.

Пашков и командир отряда спешили и подошли к парнишке. Он уже сидел на земле, поминутно вздрагивая всем телом. Бойцы помогали ему раздеться. Кто-то протягивал полотенце, кто-то набросил на его плечи шинель.

– Звать-то тебя как? – спросил Пашков.

– Ашот, – ответил парнишка.

– Как же тебя в колодец занесло?

– Казаки сбросили.

– Казаки? У, зверье! – загудели бойцы.

– Разотрите его хорошенько полотенцем, – приказал командир отряда. – И хорошо бы чаем горячим напоить.

Пашков послал в соседние дома своих людей. И пока они искали у хозяев чай, бойцы насухо обтерли Ашота, надели на него шинель, а его собственную одежду выжали и отнесли в дом сушить. Пришел санитар, перевязал Ашоту ногу и голову: парень сильно ударился о бадью в колодце. К счастью, эта бадья и спасла ему жизнь. Не ухватись он за нос, захлебнулся бы в холодной, как лед, воде.

– За что же они тебя бросили-то? – спрашивали бойцы.

– Хлеба попросил, – ответил Ашот.

– И за это сбросили? Вот гады!

– Они думали, что меня подослали партизаны, – сказал Ашот.

– Дом-то твой где?

– В горах был. – Ашот махнул в сторону каменных утесов.

– Почему был?

– Теперь нет.

– А где батька с матерью?

– Умерли.

– С кем же ты живешь?

– Один живу. Пастухом был у лавочника. А он убежал. И я чуть с голоду не умер. А казаки хаш варили. Я хотел стороной пройти. Не утерпел. Подошел. А они меня схватили. Сначала били. Потом бросили.

– Ничего, хлопец. Теперь тебя никто не обидит. А обидит – во! – сказал Пашков и показал кулак величиной с лошадиную голову. – Так как выходит, что ты наш первый крестник.

Бойцы дружно засмеялись. Ашот тоже попытался улыбнуться. Но не смог. Видно, просто разучился улыбаться. Командир отряда понял это. Он подошел к Ашоту, положил руку на плечо.

– А ты молодец. Надо же, сам из колодца выбрался. Значит, не так просто тебя скрутить.

– Я тоже кумекаю, добрый из него со временем боец выйдет, – поддержал командира Пашков.

– А пока обсушите парня хорошенько и отправьте в обоз. Пусть денек-другой с ранеными побудет. Подкормится малость, синяки залечит. Потом посмотрим, куда его пристроить, – распорядился командир отряда. – А ты, Пашков, приступай выполнять задачу. И еще тебе приказ: обоз с ранеными возмешь под свою охрану.

Пашков хотел возразить. Но, увидев непреклонный взгляд командира, лишь досадливо кашлянул в кулак и сказал:

– Все понял!

Глава 3

Лошади долго шли шагом. Но наконец остановились. И Женя услышала недовольный хриплый голос:

– Давай ее сюда.

Кто-то поднял ее на руки и куда-то понес. Она уже не вырывалась и не дергалась, а только всхлипывала от страха. Потом ее поставили на ноги и сняли с головы мешок, отвратительно пахнувший чем-то затхлым, и вынули тряпку изо рта. Она увидела небольшой костер, черные своды пещеры и двух верзил, заросших по самые глаза косматой щетиной.

– Чего реवेशь? – сказал один из них, показав при этом ровные белые зубы. – Бить тебя мы не собираемся.

Другой ушел в глубь пещеры и принес сухого валежнику, заранее, очевидно, запасенного там. Он подбросил валежник в костер. Пламя прожорливо захватило сухие ветки и занялось с большой силой. Женя сразу почувствовала тепло.

– Куда вы меня привезли? – всхлипывая, спросила она.

– Знаем куда, – ответил тот, который ходил за валежником. Он был с бородой, в плечах пошире, чем его напарник, и выглядел старше.

– Зачем вы меня схватили? – снова спросила Женя.

– Узнаешь, – ответил белозубый.

Женя решила больше ничего не спрашивать. А абреки² – она поняла, что двое эти – самые настоящие бандиты с большой дороги, – расстелив возле костра кошму, развязали торбы, достали хлеб, мясо брынзу и принялись за еду. Белозубый отрезал ножом большой кусок вареной баранины и протянул его Жене.

– Ешь! – коротко приказал он.

Женя отвернулась.

– Оставь ее. Один раз не поест – ничего с ней не случится, – сказал другой.

Белозубый не стал возражать. Скоро они оба насытились и закурили трубки.

– Теперь я тебе скажу, зачем мы тебя взяли, – повернулся к Жене бородатый.

Женя насторожилась.

– Пока мы не сделали тебе ничего плохого. Подумаешь, немного покатали на лошади. Это даже интересно, – продолжал бородатый. – Но мы можем сбросить тебя в пропасть. Или скормить шакалам. Или просто завалить тут камнями...

– За что? – Женя сжалась от ужаса.

– Просто так! Напиши своему деду письмо. Если он хочет получить тебя живую и здоровую, пусть заплатит миллион.

– Кому? – спросила Женя.

– Нам.

– Где же он его возьмет?

– Найдет. Поищет и найдет, – уверенно ответил бородатый.

– А если не найдет?

– Тогда мы сами скажем ему, в каком ущелье собрать твои кости! – пригрозил бородатый.

– Давайте бумагу, – сказала Женя.

– Вот это другой разговор! – Бородатый даже улыбнулся.

Пока белозубый доставал из торбы какую-то тетрадку и искал карандаш, Женя пыталась сообразить, где же дедушка найдет столько денег. Никаких сбережений у него не было. Он жил только на жалованье, большую часть которого тратил на медицинское оборудование для

---

² Абрек (осетин.) – разбойник.

больницы: казенных денег на это не отпускали уже давным-давно. Ее похитители, наверное, и не подозревали, что доктор Прозоров иногда даже продукты у лавочника брал в долг. Женя вспомнила свой любимый рассказ «Вождь краснокожих». Она много раз читала его в Петрограде и здесь и всегда от души смеялась над проделками маленького пленника Джонни. Да и вообще ей нравились не только Джонни, Билл и Сэм. Очень забавной выглядела вся рассказанная О'Генри история о похищении рыжего сорванца.

Но то, о чем писал американский писатель, было совершенно не похоже на историю с ней самой. Ее похитители были мрачными оборванцами, вполне способными сделать все, что они пообещали, если дедушка не заплатит за нее выкуп.

– Вот бумага. Пиши, – белозубый протянул ей помятую и замусоленную конторскую книгу и карандаш.

– Пиши, – подтвердил бородатый.

– Что писать? – спросила Женя.

– Пиши так, – бородатый немного подумал: – «Если ты хочешь, чтобы я вернулась, приготовь миллион рублей. Если согласен, открой на чердаке окно. Тот, кому надо, увидит». Написала? Так. И еще напиши, что очень хочешь домой. И подпишись, – сказал он.

Женя отдала бородатому записку и карандаш.

– Дедушка все отдаст, что у него есть. Но столько денег ему не найти, – грустно сказала она.

Глаза у бородатого сузились. Он вплотную приблизился к Жене и угрожающе засопел:

– Мне дела нет, где он достанет деньги. У него своя жизнь, у меня своя. Я тоже хочу иметь дом, коня и хорошую еду. И пока у меня этого не будет, тебе отсюда не выбраться.

Он сложил записку пополам и отдал белозубому.

– Поезжай. Не трать время. Действуй, как договорились.

Белозубый спрятал записку за пазуху, стегнул себя по сапогу кнутовищем и вышел из пещеры. Женя услышала, как зацокали по камням подковы его лошади. А бородатый придвинул к огню свою кошму и повесил над костром котелок с водой.

Женя почти не спала. Задремала только под утро, но, едва рассвело, уже открыла глаза. Бородатый, все так же не двигаясь, как изваяние сидел у костра, который почти догорел. Теперь, при свете, Женя хорошо рассмотрела его лицо. Оно было худое и сердитое.

Наступил полдень. Белозубый не возвращался. Бородатый несколько раз пил чай и никуда из пещеры не выходил.

Солнце закатилось за гору. В пещеру поползли сумерки. Потянуло сыростью. А белозубый словно под землю провалился. Теперь бородатый уже не сидел на кошме, поджав под себя ноги, а мотался взад-вперед, как заведенный, перед входом в пещеру. Белозубый появился, когда совсем стемнело.

– Порядок. Окно открыто! – сказал он и тяжело плюхнулся на кошму.

– Цха! – с облегчением рыкнул бородатый и торжествующе посмотрел на Женю. – Я говорил, у него есть деньги.

– Наверное, достал. Куда-то бегал, – сказал белозубый.

– Не наше дело. Пиши второе письмо!

На свет снова появилась затрепанная тетрадь и огрызок карандаша. Но теперь, прежде чем начать диктовать, абреки долго и оживленно о чем-то спорили друг с другом на своем, горском, языке. Жене показалось, что они даже несколько раз начинали ссориться. Потом бородатый, очевидно предвкушая удовольствие от подсчета денег, закатил глаза и блаженно улыбнулся.

– Пиши, – сказал он Жене. – «Деньги привези в Сурамское ущелье. Закопай под корнем высушенного карагача, что стоит у ручья на третьей версте. Закопай и уходи. Придешь домой, я буду дома».

Женя не успевала писать. Бородатый последнюю фразу повторил два раза. И кажется, остался очень доволен собой. Потом они снова пили чай, ели мясо, почти насильно кормили Женю. Теперь они уже не были такими злыми, как накануне. Ночь прошла спокойно. Женя даже немного соснула. Но утром следующего дня абреки замотали Женю, несмотря на все ее мольбы, в кошму, крепко завязали веревкой и отнесли в глубь пещеры. А сами сели на лошадей и куда-то ускакали. Женя попробовала освободиться. Но очень скоро поняла, что ей, как бы она ни старалась, не удастся вытащить даже руки, и заплакала от беспомощности и бессилья.

Глава 4

Ашот быстро освоился в обозе и к концу дня знал уже многих бойцов. Большинство из них были тяжело раненные. Они лежали в повозках и на телегах почти без движений. За ними ухаживали повозочные и санитары. В эту работу незаметно включился и Ашот. Кому-то надо было принести воды, над кем-то поправить тент, чтобы не жгло горячее южное солнце, с кого-то просили согнать надоедливых мух и слепней. Раза два в обоз навевывался командир эскадрона Пашков.

– Потерпите, хлопцы, самую малость. Наведут саперы мост через ущелье, и мы вас быстро доставим, – успокаивал он раненых.

Бойцы понимали, что мост навести не так-то просто, и терпели. И лишь когда терпеть становилось невмочь, тихо постанывали. В такие моменты возле них и появлялся Ашот.

– Говори, что надо? – спрашивал он.

Его о чем-нибудь просили. Он с готовностью бежал куда посылали, кого-то звал, что-то приносил.

На следующий день сразу после обеда обоз двинулся в тыл. Ашот ехал вместе со всеми. Он сидел рядом с повозочным и смотрел на темную тучу, нависшую над перевалом. Повозочный, пожилой боец с ввалившимися щеками и прокуренными усами, мешая русские и украинские слова, назидательно говорил:

– Я так кажу, хлопче, нечего тебе с нами по шляхам болтаться. Отдадим мы тебя в дитячий дом, и будешь там жить как следует.

– Зачем он мне нужен? Что я, маленький? – усмехнулся Ашот.

– А то ни?

– Я уже работать могу.

– Рано тебе, хлопче, работать. Учиться тебе трэба.

– Вот и учи меня.

– Я? Чему же я тебя выучу? – удивился повозочный.

– Стрелять, прежде всего. Я мстить хочу. За себя. За свое село. Казакам! Белым! Лавочникам! Всем богатеям!

– Дело хорошее – отплатить, – согласился повозочный. – Да только приказу, хлопче, не было.

– Какого приказа? – не понял Ашот.

– А такого, чтоб патроны на тебя выделяли. И потом, хлопче, не моя это задумка насчет дитячего дому. Товарищ Киров так приказал. А это считай – закон.

– Какой такой Киров?

– Товарищ Киров, хлопче, надо думать, самый верный помощник товарища Ленина.

– А кто такой Ленин?

– И про товарища Ленина не знаешь? – еще больше удивился повозочный и даже в упор посмотрел на Ашота. – Якись же ты темный хлопец. Да товарищ Ленин это же сама наша Советская власть. Наипервейший наш заступник. А ты спрашиваешь, кто такой!

В повозке ехали еще двое раненых. Один, у которого вся голова и лицо были забинтованы, почти все время спал и разговора этого не слышал. Другой, с перевязанным плечом, с веселыми карими, как у цыгана, глазами, по имени Серега, взял Ашота под свою защиту.

– А откуда ему знать, дядя?

– Так весь свит знает! – стоял на своем повозочный.

– Так у него «свит» – то от одной околицы в деревне до другой. И мы от белых эту деревню еще не освободили, – засмеялся Серега. – Про нашего вождя, про товарища Ленина, ему еще надо рассказать. И мы расскажем. А стрелять – тоже надо его научить. Дело это, прямо

скажем, в наше время нужное. В жизни еще сто раз пригодится. И начинать учиться надо не с патронов, а с винтовки.

– Конечно! – обрадовался Ашот. И с благодарностью посмотрел на кареглазого бойца.

– А конечно, тогда бери вот мою и изучай, благо она не заряжена, – разрешил Серега.

Ашот давно уже косился на лежавшую рядом с ним винтовку, но боялся даже дотронуться до нее. И вдруг разрешили не только дотронуться, но и взять ее в руки! Он потянулся к отполированному до блеска прикладу. Однако Серега неожиданно опередил его. Он взял винтовку здоровой правой рукой, положил ее на колени и крепко зажал между ног.

– Смотри, слушай и запоминай, как что называется и как что делается, – сказал он. – Это вот затвор. Он в стволе патрон затворяет. Деталь, можно сказать, наиважнейшая. Без нее никак, брат, не выстрелишь. А открывается он очень даже просто. Вот так. И вынимается тоже легко, надо только нажать на крючок. Вот этак...

Серега снова поставил затвор на место, послал его вперед, легко, одним движением вскинул винтовку к плечу и нажал спусковой крючок. Пружина ударника резко и звонко щелкнула. Серега протянул винтовку Ашоту.

Ашот поднял винтовку к плечу. Она оказалась совсем не легкой. Но он, наверное, скорее позволил бы, чтобы у него вывернулись в суставах руки, чем упустил это оружие.

– Ничего. Пойдет! – подбодрил его Серега и начал объяснять, как винтовка заряжается обоймой и отдельным патроном. Примерно через час Ашот уже неплохо знал, как обращаться с винтовкой.

– А стрелять-то все едино не получится, – заметил повозочный.

– Стрельнем. Не каркай! Не сейчас, так в другой раз, – заверил Ашота Сергей и снова положил винтовку возле себя. Его, очевидно, мучила рана, потому что он вдруг обхватил здоровой рукой раненую и заскрипел зубами. Ашоту захотелось хоть как-нибудь помочь этому хорошему парню с доброй приветливой улыбкой. Он, кажется, не пожалел бы ничего на свете, чтобы только облегчить его страдания. Но что он мог сделать! И лишь участливо спросил:

– Сильно болит?

– Терпимо, браток, – попытался улыбнуться Серега. – Сам-то ты как? Тебе ведь тоже досталось...

– Я хорошо, – ответил Ашот.

Он хотел сказать что-нибудь еще, что ободрило бы его нового друга, но позади обоза вдруг раздались частые выстрелы. Люди на повозках – и те, кто управлял лошадьми, и те, кто сидел, и даже те, кто лежал, – зашевелились, повернулись в сторону стрельбы, стараясь понять, что там стряслось. Но за обозом тянулось густое облако пыли, и за ним, как за занавесом, ничего нельзя было разглядеть. А стрельба между тем становилась все интенсивней. Потом из облака пыли вырвался боец на коне и во весь дух проскакал в голову обоза. Его пытались окликнуть:

– Эй! Что там?

– Кто стреляет?

– Да расскажи, куда тебя несет?

Но боец в ответ только энергичней настегивал своего скакуна. Навстречу ему уже мчался с группой всадников Пашков. Неподалеку от повозки, на которой сидел Ашот, они встретились. И тот, который прискакал из пыли, доложил:

– Казаки нас догнали, командир!

– Откуда они тут взялись? – так и опешил Пашков.

– Пролезли где-нибудь по ущелью. И гуляют по тылам...

– Сколько их?

– Десятка три, сам видел. Похоже, разъезд!

– Холера им в бок! – выругался Пашков и, привстав на стременах, командовал громко и повелительно, так, чтобы слышали все – и те, кто был в голове колонны, и те, кто замыкал ее, и те, кто вез раненых: – Второй взвод – отразить атаку! Обозу – прибавить шаг! Гони, хлопцы, коней!

И тотчас неторопливо двигавшийся обоз и сопровождавший его эскадрон словно очнулись. Все отлично поняли, что за опасность неожиданно навалилась на них. Понимали они и то, что помощи ждать совершенно неоткуда. И что все их спасение сейчас зависит исключительно от их командира и от того, насколько они будут проворно и четко выполнять его приказание.

Повозочный погнал коней, а Серега взял винтовку, зарядил ее на полную обойму, загнал патрон в патронник:

– Рано, значит, мы в лазарет собрались...

– Будем отстреливаться? – спросил Ашот.

– Да уж, известно, живыми не дадимся, – ответил Серега.

Повозку бросало на каждом ухабе, на каждой выбоине. Тяжелораненого растрясло. Он застонал. Но помочь ему ничем было нельзя. Стрельба позади обоза уже слилась в сплошной гул. Ашот не знал, какой маневр решил предпринять командир эскадрона. Но одно он понял ясно: уйти от преследования, надеясь на коней, обозу не удастся. Ашот не раз бывал в этих местах, хорошо их знал. И знал, что дорога, уже давно петлявшая между гор, дальше пойдет все круче и круче. Через полчаса такой гонки лошади, запряженные в тяжелые повозки, выдохнутся. Бока у них уже сейчас в мыле, а до перевала оставалось еще добрых часа полтора самой быстрой скачки.

– Не уйдем мы так! – прокричал Ашот Сереге.

Тот не сразу разобрал, что хочет сказать парнишка. А когда, наконец, понял, почти безразлично поморщился и пожал плечами.

– Значит, другого выхода нет. Держись! – крикнул он в ответ.

Но командир эскадрона, очевидно, нашел выход. На первой же поляне, пятячком обозначившейся среда гор, обоз начал останавливаться. Повозочные с трудом сдерживали разгоряченных коней. Кони хрипели, ржали, косили налитыми кровью глазами. Их выстраивали в линию так, чтобы плотно перегородить повозками дорогу через поляну.

– Баррикаду будем робить, – сказал повозочный и, осадив за узду коней, поставил повозку в общий ряд.

– Толку-то что? – ответил ему кто-то из бойцов. – Сколько нас тут? Да и патронов не густо...

– А ты целься лучше! – посоветовал Серега.

– Я не об себе пекусь. С ними вот что делать? – кивнул боец на тяжелораненого.

Подъехал Пашков. К нему сразу же подбежали бойцы.

– Куда раненых девать?

– Снимайте с повозок, перекладывайте на коней, увозите в лес!

– А там куда? – хотели знать бойцы.

– А я почему знаю, куда! – вскипел вдруг Пашков. – Сам думай, как его к своим доставить.

А я тут останусь. Понял?

– Та хоть бы место это кто знал, – понурились бойцы. – Хоть бы рассказал, какие куда дороги.

– А хлопец! – вспомнил кто-то.

– Какой хлопец?

– А что с колодца вытащили. Он же местный. Может, он чего знает...

– А ну, давайте его сюда! – обрадовался Пашков.

Ашота тотчас нашли. И пока он бежал к командиру эскадрона, рассказали, зачем его вызывают.

Пашков положил руку на плечо Ашота и сказал спокойно, будто встретились они где-нибудь на прогулке:

– И ты, сынок, потребовался.

– Скорей говорите, что надо!

– Немного, сынок. Бывал ты в этих горах?

– Бывал.

– Припомни, где можно укрыть раненых.

– В пещере можно, – сразу решил Ашот.

– В какой пещере?

– Есть тут, впереди.

– Далеко?

– За поворотом. Там тоже поляна будет, а за ней пещера. Большая. Весь обоз спрятать можно!

– Ты не шутишь, сынок? – насторожился Пашков. – Целый обоз...

– Клянусь прахом своих предков! Пещера большая. На ту сторону горы выходит...

Пашков схватил Ашота своими железными ручищами и как кутенка легко поднял над землей. И хотя момент для проявления такого бурного восторга был явно неудачный – стрельба слышалась совсем рядом, – бойцы, видевшие эту сцену, заулыбались. Пашков осторожно опустил Ашота на свое седло и сам легко и ловко сел сзади.

– Показывай, где твоя пещера, – сказал он и пришпорил коня.

Вороной жеребец с коротко подстриженной гривой, почувствовав на себе, кроме хозяина, еще и незнакомого седока, попытался укунить Ашота за колено. Но, увидев предостерегающий жест хозяина, закусил удила и как птица понесся вперед. За командиром помчались бойцы. За бойцами, с каждым шагом набирая скорость, двинулся обоз.

Через полчаса вся группа остановилась на поляне перед пещерой. Ашот говорил правду: пещера поражала своими размерами. Она зияла чернотой, как разверзшаяся пропасть. Бойцы быстро собрали с елей смолу, соорудили что-то наподобие факелов и вошли под каменные своды. В пещере оказалось сухо и даже не очень грязно.

– Вот здесь другое дело. Здесь и двое и трое суток можно продержаться, – сказал Пашков.

Дальше он уже только командовал:

– Заносите раненых в пещеру!

– Распрягайте коней! Заводите их тоже сюда!

– Брички! Повозки! Фуры! Все в кучу! Забить ими в пещеру вход и забаррикадироваться! – гремел его голос в такт перестрелке.

Как только раненых занесли в глубь пещеры, заслон, прикрывавший путь белым, начал потихоньку отходить. Дорога была узкой. Казаки не могли обойти бойцов ни справа, ни слева и, волей-неволей подставляя себя под выстрелы красных, лишь теснили заслон все выше и выше в горы.

Пока бой шел за поворотом, Ашот вместе со всеми помогал переносить в пещеру раненых, таскал с повозок сено и солому им для подстилки, бегал к ручью под отвесной скалой на поляне с котелками и ведрами – за водой. Когда заслон отступил за поворот, бойцы закончили баррикадировать вход. Они перевернули несколько повозок, завалили их камнями, оборудовали для стрельбы удобные бойницы. Когда казаки, преследуя заслон, выбежали на поляну, защитники пещерного гарнизона встретили их дружным залпом. Белые также ответили огнем. По камням защелкали пули. Но, очевидно, казаки опешили, напоровшись на такую оборону, потому что на какое-то время даже перестали стрелять. Пашков воспользовался затишьем и собрал командиров.

– Спас нас хлопец, одним словом. Спасибо ему. А то казачня уже всех бы порубала! – сказал он.

– Надо, значит, его наградить, – подсказал кто-то.

– И наградим! – согласился Пашков. – Ежели, конечно, выберемся отсюда.

Наступила пауза. Пашков обвел всех взглядом и продолжал:

– Я, в общем-то, об этом и хотел потолковать. Конечно, дня два-три мы тут продержимся, если казачья не подвезет орудие. А подвезет, тогда эту баррикаду в минуту словно ветром сдует. А ежели без орудия – то продержимся. Но потом без воды подохнем. И коней поить надо, и самим пить, а пуще раненых поить нечем будет.

– Да и с патронами худо, – заметил кто-то.

– Худо, – согласился Пашков. – Поэтому сидеть нам тут и ждать, пока нас хватятся да на помощь придут, нечего. Надо пробиваться к своим.

– Атаковать будем? – спросил командир второго взвода Одинцов.

– Не было бы у нас лазарета – атаковали бы. А зараз по другому действовать будем. Давайте-ка сюда нашего хлопца!

В полутьме и сутолоке Ашота нашли не сразу. Но нашли и привели к Пашкову. Пашков, ярко осветив факелом его лицо, сказал:

– Помнится, ты говорил, что пещера эта аж на ту сторону горы выходит. Или мне такое только послышалось?

– Говорил, – подтвердил Ашот.

– И можно по ней на ту сторону выйти?

– Можно.

– А ты ходил?

– Ходил.

– И помнишь, как пройти?

– Найду, – уверенно ответил Ашот.

– Господь бог тебя нам послал, сынок! – сказал Пашков.

– Нет, – покрутил головой Ашот. – Сам из колодца вылез.

Командиры засмеялись.

– И то верно, – согласился Пашков. – Одним словом, времени терять нечего. Будем из этого каменного мешка к своим выбираться. Ты покажешь дорогу.

Пашков достал из сумки карту, нашел на ней пещеру, обвел ее карандашом и передал карту командиру второго взвода.

– Возьми трех человек побойчее в двигайте к нашим. Дойдете – покажешь на карте, где мы. Значит, нас выручат. Не дойдете – дня через три всем нам тут крышка. Ситуацию понял?

– Понял, – ответил Одинцов.

– Тогда вперед, – хлопнул его по плечу Пашков.

Взводный быстро отобрал людей. Бойцы вооружились факелами, зажгли их. Факелы нещадно чадили, разливая по сторонам неяркий, колеблющийся свет.

– На животе ползти буду, а к нашим приду. И наших сюда приведу, – полусшепотом поклялся Ашот и пошел вместе с бойцами в глубь пещеры.

Он шел впереди. За ним, подсвечивая ему факелами, двигались бойцы. Пещера была просторной, и идти было легко. Пока шли по прямой, за спиной долго мерцал дневной свет. Но как только свернули по каменному коридору пещеры в сторону, вокруг сомкнулся мрак. Теперь только огненные языки факелов давали возможность ориентироваться в темноте. С каменных сводов пещеры то и дело срывались летучие мыши и беззвучно проносились над головами людей.

Ашот по каким-то только ему одному известным признакам находил путь и вел бойцов все дальше и дальше.

Раза два командир взвода останавливал Ашота и справлялся:

– Не сбились? Точно?

– Правильно идем, – отвечал Ашот.

– А долго еще идти-то?

Ашот недоуменно пожал плечами.

– Как можно в темноте время считать? Часов нет. Солнца тоже нет. Надо еще идти, – словно оправдываясь, отвечал он.

Часов действительно во всей группе ни у кого не было. И никто точно не мог сказать, сколько времени они уже двигаются в этой крошечной тьме.

За большим каменным уступом Ашот неожиданно остановился.

– Заблудился? – с тревогой спросил командир взвода.

– Нет, идем правильно, – успокоил взводного Ашот и показал рукой вверх. – Только потолок почему-то совсем низкий стал.

Бойцы подняли факелы. Каменная кровля действительно спустилась почти на головы людей.

– В горах так бывает. Может, обвал. Может, земля тряслась. В горах всякое бывает, – объяснил Ашот.

Они двинулись дальше. Каменный коридор становился все ниже и уже.

– И так было? – снова спросил взводный.

– Так не было. Но идем мы правильно, – решительно ответил Ашот.

– Будь они прокляты, эти горы! – не выдержал взводный. – Только баранам на них и жить.

– Правильно идем, – повторил Ашот. И вдруг увидел впереди неясное белесое пятно. – Вон же!

– Что? – вскрикнули бойцы все разом.

– Свет вижу!

Радость была большой, но оказалось, преждевременной. Чем ближе бойцы продвигались к долгожданному выходу из пещеры, тем труднее было им протискиваться между каменными глыбами. Теперь они уже не шли по пещере, как вначале, а ползли: где на четвереньках, а где и просто на животах. Но скоро изо всей группы ползти мог только Ашот. Он карабкался между камнями, до крови царапая колени и руки об их острые края. Он разорвал на себе штаны и куртку, перемазал в грязи лицо, но упорно лез вперед и вперед.

– Крышка, командир, – слышался вдруг сзади него приглушенный голос кого-то из бойцов. – Застрял я как кость в горле: ни туда, ни сюда.

– И я тоже, братцы, как тот квач в бочке, шоб ее разорвало, – признался взводный. – Ни на вершок ни назад, ни вперед. Что будем делать?

– Похоже, щель эта не для нас. И нам через нее не выползти, – слышался ответ.

– А как же отряд? Кто же приведет помощь?

– Проси мальчика, командир. Может, он еще как-нибудь вылезет отсюда...

– Доверить мальцу такую задачу? Да с нас Пашков головы посрывает! – испугался взводный.

– Тогда вытащи отсюда меня, и я дойду до наших! – сердито прохрипел боец.

Весь этот разговор долетал до Ашота будто издали, хотя бойцы были совсем рядом. Взводный даже время от времени помогал Ашоту, подталкивая его вперед то головой, то руками. Зажатые со всех сторон камнями, не зная, что предпринять, бойцы долго спорили, ища выход из создавшегося крайне нелепого положения. Взводный никак не хотел соглашаться с мыслью, что через завал им не пробиться, и шумел сильнее всех, кляня на чем свет стоит и горы, и пещеру, и не поддающиеся никаким его усилиям холодные, бездушные камни.

– И карту ему отдадим? – спросил он в конце концов совета у бойцов.

– А черта ли в ней секретного? Белым и так известно, где мы, – рассудили бойцы. – А нашим она службу сослужит... Да ты не тyani! Не тyani время!

– А, была не была! – смирился наконец с полной своей беспомощностью взводный и окликнул Ашота: – Слышал, парень, о чем мы тут толковали?

Ашот все слушал очень внимательно. Он прекрасно понимал, почему так долго не решается на этот шаг взводный, и не обижался. Шутка ли сказать, от него одного будет зависеть теперь судьба всего отряда!

– Я все слышал.

– Тогда, дорогой, я засуну сейчас тебе в ботинок карту. А ты выползай отсюда и передай ее нашим, – сказал взводный. – И скажи: больше трех дней мы тут не продержимся.

– А где мне их искать?

– Пробирайся на Благодать. А там они недалеко. Знаешь, в какую сторону идти?

– Примерно знаю.

– Тогда спеши! – взводный хлопнул на прощанье Ашота по ботинку. – Вся наша надежда теперь только на тебя, парень.

Глава 5

Есаул Попов пришел в бешенство, когда, смяв, как ему казалось, заслон красных, казаки не нашли перед собой их обоза. До него, как говорится, уже рукой было подать, еще напор – и казаки захватили бы сотни полторы-две пленных красноармейцев, оружие, коней, повозки. И вдруг все это словно сквозь землю провалилось. А когда сотня, в поисках так неожиданно исчезнувшего врага, вырвалась на поляну, из-под горы в упор по казакам ударил дружный залп. Еще один! Еще! Казаки спешно отступили, оставив на поляне больше десятка своих людей. Пока определили точно, откуда ведется стрельба, и пытались проскочить под градом пуль через поляну по дороге дальше, чтобы посмотреть, не ушел ли обоз вперед, потеряли еще несколько человек.

Попов поклялся не выпустить из пещеры живым ни одного человека.

– Удушю там всех! И раненых и здоровых! Рубите ельник! Больше рубите! – кричал он на своих подчиненных.

Казаки клинками рубили зеленый лапник и стаскивали его в кучу. А те, кто не был занят этой работой, пробивали в камнях тропу над входом в пещеру. Там, на этой тропе, будучи недосягаемы для красноармейцев, казаки могли надежно контролировать вход и выход из пещеры. Но не только для этого была нужна им эта тропа. Когда ее в конце концов пробили, казаки набросали с нее перед входом в пещеру целую гору сухого валежника и подожгли его. А когда костер разгорелся и над поляной заплясали языки огня, забросали костер сверху зеленым лапником. В пещеру потянулся густой, как вата, желтый удушливый дым.

– Лапника не жалеть! Валежника не жалеть! Я посмотрю, сколько они там выдержат, – наблюдая из леса за входом в пещеру, говорил Попов.

К нему подъехал средних лет казак с Георгиевским крестом на груди.

– Разрешите доложить, ваше благородие, – приостанавливая коня, проговорил он.

– Говори, Чибисов, – разрешил есаул.

– Дозвольте, ваше благородие, с другой стороны гору осмотреть. Случается, что пещеры энти наскрозь проходят, – доложил казак.

– Дело предлагаешь. Осмотри, – разрешил есаул. – Только как же ты через поляну проскочишь? Простреливают они ее.

– Прикажете, ваше благородие, дыму поболее накурить и казачкам пошибче пострелять по ихней баррикаде. И проскочим на аллюре, господь милостив, – перекрестился Чибисов.

– И это дело, – похвалил казака есаул и отдал все необходимые на этот случай приказания.

А Чибисов, выбрав трех самых лихих наездников, приготовился к броску.

Как только дым от костра заволок поляну, казаки – и те, которые были сверху, и те, которые залегли у дороги, – открыли по пещере беглый огонь. Есаул махнул рукой, и Чибисов, прищпорив коня, рванул через поляну. За ним аллюром помчалась вся его группа. Кони их, распластавшись как птицы, казалось, летели по воздуху. Мгновения достаточно, чтобы они проскочили поляну. И все же только двоим удалось доскакать до выступа скалы, который скрыл их от пуль осажденных в пещере красноармейцев. А двое, пораженные меткими выстрелами, кубарем слетев с коней, остались на поляне.

За поворотом, осадив разгоряченного коня, Чибисов оглянулся на убитых казаков, снял фуражку и перекрестился:

– Уберегла матушка, заступница...

– Не всех, однако, – заметил его напарник, казак помоложе.

– За себя молись, губошлеп, – буркнул Чибисов и повернул коня в сторону от поляны.

Казаки поскакали в объезд горы. День был жаркий. Стрельба смолкла, или ее просто не стало слышно, но в горах было тихо. Только снизу, из-под обрыва, доносился монотонный шум

речки. Пробитая по карнизу отвесной скалы дорога висела над самой рекой. Казалось, отступится лошадь – и неминуемо вместе с седоком очутится в бурлящем, стремительном потоке. Но чем дальше мчались казаки, тем шире становился карниз. Гора отступала от дороги и уже не дыбилась над ней непреодолимой кручей, а спускалась книзу все более отлогим откосом. Там, где дорога неожиданно повернула к реке, Чибисов осадил лошадь. Натянул поводья и его напарник. Они остановились.

– Ежели судить по солнцу, мы аккурат с обратной стороны заехали, – сказал Чибисов.

– Ну и где ж пещера? – спросил молодой казак.

Чибисов окинул пристальным взглядом склон.

– Там где-нибудь, в кустах, – неопределенно ответил он, кивнув в сторону горы. – А может, и нет ее вовсе.

– Полезем искать?

Чибисов криво усмехнулся.

– Не для того я тебя, дурака, из-под пуль увел, чтобы тебе здесь башку продырявили.

– И то верно. Спасибо, дядя Захар, – быстро сообразил молодой казак. – А што их благородию скажем?

– А ничего. Не видно никого – и говорить нечего, – рассудил Чибисов.

– Тогда, может, скупаемся? Ишь как пекет... И тихо, – обрадовался молодой казак.

– Ополоснуться неплохо, – согласился Чибисов и, легонько потянув повод, повернул коня к густому кусту можжевельника.

Тут, на лужайке, станичники сложили винтовки, разделись и, крестясь, полезли в воду.

Глава 6

Преодолев с величайшим усилием еще метра два, Ашот неожиданно почувствовал, что лаз стал расширяться. Гора, словно вдоволь натешившись над своими добровольными пленниками, смилостивилась и разжала объятия. Ашот уже мог опираться на руки. Потом встал на колени. А скоро и вовсе поднялся в полный рост.

Он очутился в просторной каменной нише, увидел солнечный свет, непривычно режущий после пещерной тьмы глаза, деревья у входа, серый пепел костра на полу и свернутую в рулон и перевязанную веревкой кошму. Поначалу он от радости не обратил особого внимания ни на пепел, ни на кошму, а перво-наперво достал из ботинка засунутую туда взводным карту и спрятал ее под подкладку своей шапки. Но потом вдруг заметил, что под пеплом еще тлеют горящие угли, а кошма даже будто шевелится... Ашот вздрогнул: значит, тут кто-то был? А возможно, есть и сейчас? Он мгновенно спрятался за большим камнем и затаился. Но кругом все было тихо. И только в кошме действительно кто-то шевелился, явно желая высвободиться из нее.

Ашот осторожно подошел к этому странному свертку и слегка приоткрыл его с одной стороны. На него в упор уставились вытаращенные от страха голубые глаза и послышался полный ужаса голос:

– А-а-а!..

Ашот проворно отпрянул назад и оглянулся по сторонам. Под каменными сводами по-прежнему, кроме него и странного, завернутого в кошму существа, никого не было. Тогда он снова открыл сверток. И на этот раз увидел белокурые волосы и лицо девчонки. Она снова начала было кричать, но Ашот, не церемонясь, зажал ей рот рукой.

– Замолчи! – зашипел он. – Чего орешь?

– А ты кто такой? – тараша на него глаза, спросила Женя.

– Какая разница! – фыркнул Ашот. – Скажи лучше, зачем ты туда залезла?

– А ты не с ними? – спросила Женя.

– С кем?

– С бандитами!

– С какими бандитами?

– Которые меня связали!

– Ни с какими я не с бандитами, – сказал Ашот и начал развязывать веревку. Она оказалась затянутой так крепко, что некоторые узлы пришлось растягивать зубами. В конце концов ему удалось вызволить Женю из кошмы. Он схватил ее за руку и буквально потащил за собой. А когда, продираясь через заросли, попытался отпустить, то почувствовал, что не он ее, а она его держит крепко-накрепко. Так они бежали до тех пор, пока лес не поредел и пещера не осталась далеко позади. И тут они, не стовариваясь, свалились на траву, чтобы отдышаться от сумасшедшего бега. И только тогда Женя разжала руку, отпустила Ашота и стала его разглядывать.

– Почему ты такой грязный и рваный? – удивилась она.

– Цха! Побывала бы ты там, где я был, посмотрел бы я на тебя, – усмехнулся Ашот.

– А где ты побывал?

– Это неважно. А вот как ты в пещере очутилась?

Женя рассказала всю свою историю. Ашот с интересом слушал ее, сочувственно качал головой, вздыхал, поминутно повторял: «Вай-вай-вай!»

– И зачем ты им понадобилась? – не понял он главного.

– Они за меня у дедушки выкуп требуют, – объяснила Женя.

– Деньги? И сколько?

– Миллион.

Ашот даже привскочил:

– Это же целый мешок денег!

– А что я, по-твоему, меньше стою? – обиделась Женя.

– Не знаю, – пожал плечами Ашот. – Смотря что ты умеешь делать. Лаваш печешь? Хаш хорошо готовишь?

– Совсем не умею, – ответила Женя.

– Ухаживаешь за виноградом? Прядешь шерсть?

– Да ты что! – отмахнулась Женя.

– Тогда за что миллион?

Женя начала было рассказывать о дедушке, но Ашот прервал ее.

– Где, ты говоришь, он живет? – спросил он.

– В Благодати, – ответила Женя.

– Вот туда мне и надо! – Ашот быстро встал, но Женя снова схватила его за руку.

– Не бойся меня, – взмолилась она. – Я пойду с тобой.

Ашот от неожиданности замялся. Дело принимало совершенно непредвиденный оборот. Он совсем не знал эту городскую девчонку. И хотя она была ему симпатична, он понимал, что она будет мешать ему в пути и он из-за нее лишь потеряет драгоценное время. Поэтому он попытался ее отговорить:

– Я очень быстро пойду. Ты за мной не успеешь.

– Успею! – еще крепче сжала Женя его руку. – Я буду бежать за тобой. И не отстану ни на шаг.

В голосе ее звучала такая мольба, что Ашот заколебался. «А может, и на самом деле не помешает? – подумал он. – Бегает она, действительно, как коза. И не хнычет... И дорогу знает...» Но тут он вспомнил напутствие взводного командира: «На тебя на одного вся наша надежда». И ответил тоже себе: «Наверняка не разрешил бы... Потому как дело такое, особое...»

– Я одна никогда не дойду до дома, – просила Женя.

«И Одинцов тоже не разрешил бы тратить на нее время», – думал свое Ашот.

– Ты человек или нет? Что ты молчишь? – На глазах у Жени блеснули слезы.

«А Серега? – вспомнил своего кареглазого друга Ашот. – Серега, пожалуй, не оставил бы человека в беде, даже если бы увидел его в первый раз». Ашот неожиданно улыбнулся.

– Ладно, пойдем, – сказал он и предупредил: – Только слушаться меня во всем.

– Хорошо! – обрадовалась Женя.

Они побежали дальше. Миновали редкий лес и увидели внизу кусты и дорогу. Ашот остановился. Надо было оглядеться: этого требовала осторожность. Но кусты мешали широкому обзору, и Женя проворно забралась на большой, поросший мхом камень.

– Там река, – сообщила она свои наблюдения. – А в ней какие-то дядьки купаются...

– Какие дядьки? – насторожился Ашот и вслед за Женей полез на камень.

– И лошади две возле куста, – продолжала Женя.

Но Ашот уже и сам хорошо видел все, что делалось на берегу. И даже разглядел то, чего не заметила Женя. Тут же возле куста, к которому были привязаны лошади, на траве лежали две винтовки, казачья форма и стояли, поблескивая на солнце голенищами, две пары сапог.

Ашот слез с камня, потянул за собой Женю. Наверное, лицо у него было очень растерянным, потому что Женя даже испугалась.

– Что случилось? – с тревогой спросила она.

– Казаки, – шепотом ответил Ашот.

– Ну и хорошо, – обрадовалась Женя. – Надо сейчас же рассказать им все о бандитах.

Ашот от неожиданности даже поперхнулся.

– Ты что? Кому рассказывать? Сами они бандиты. Еще хуже бандитов! – сказал он и укоризненно покачал головой.

– Да уверяю тебя, они ничего плохого нам не сделают, – запротестовала Женя.

Но Ашот не стал ее слушать.

– Сразу видно, что мы с тобой разные люди.

– Почему?

– Наверное, потому, что ты богатая, – серьезно сказал Ашот. – Ты миллион стоишь. А я? Да что я... Если все наше село продать – то половину таких денег не наберешь. Я тебе больше ничего не скажу. Но мне никак нельзя казакам попадаться.

– Да почему? – не могла понять его Женя.

– Врозь нам идти надо, – вместо объяснения сказал Ашот.

Но Женя снова схватила его за руку.

– Нет! Я пойду только с тобой! И ни о чем тебя больше спрашивать не буду, – пообещала она.

И опять ему стало жалко ее.

– Ладно. Второй раз ты меня уговорила, – сказал он. – Но теперь быстрее в Благодать.

– А как же мы пойдем? Поднимемся обратно в горы? – мгновенно забыв о своем обещании, снова спросила Женя.

– Там не пройдешь. Там пропасть, – сказал Ашот. – Один у нас путь, по дороге.

– Но там казаки...

– Что-нибудь придумаем. Посиди здесь, – попросил он и пополз в кусты ближе к дороге.

Что он задумал, Женя, естественно, не знала. Ее больше беспокоило, чтобы Ашот не уполз совсем. Но он через несколько минут вернулся.

– Ты верхом ездить умеешь? – вполголоса спросил он.

– С ума сошел! Мне дедушка даже близко не разрешал подходить к лошадям.

Ашот добродушно усмехнулся:

– А еще миллион стоишь! Ну да ладно. Будешь делать, что я скажу. Ползи вон до той, самой крайней сосны и спускайся на дорогу. И возвращайся не торопясь по дороге сюда. Они подумают, что ты откуда-то издалека идешь. И при тебе постесняются вылезать из воды...

– А ты куда пойдешь? – не дала ему договорить Женя.

– У тебя все одно на уме, – нахмурился Ашот. – Ждать тебя буду!

– Смотри, – пригрозила ему пальцем Женя и, прячась за кусты, поползла к сосне, стоявшей у самой дороги.

Скоро ее не стало видно. Ашот подождал еще немного и тоже пополз к дороге. А точнее, к тому кусту, возле которого лежали винтовки и к которому были привязаны кони. Он понимал, что, если казаки увидят его, ему несдобровать. Но другого выхода не было. Ждать, когда казаки уйдут? Они могли просидеть тут и день, и два. Обходить их стороной? Но склон горы обрывался глубокой пропастью, и перебраться через нее нечего было и думать. Оставалось одно – именно то, что он задумал. И он полз, старательно прижимаясь к земле. Вот и куст. Кони давно уже настороженно поглядывали в его сторону, стригли ушами, пофыркивали, но особой тревоги пока не поднимали. Очевидно, потому, что хорошо видели его. Казаки были за кустом и ниже. Они его видеть не могли. Но они уже увидели Женю. Это он понял по их разговору.

– Тю, бабу нелегкая несет, – сказал один из них недовольным тоном.

– Да это ж девка, дядя Захар. И то малая, – поправил его другой.

– Все одно, вроде срамно при ней вылезать, – буркнул первый и добавил: – Ну-ка шумни ей, чтоб побыстрее проходила.

– Ей! Давай поскорей! Ходят тут разные! – окликнул Женю его напарник.

Ашот понял: его расчет оправдывает себя. Но действовать надо без промедлений. И первым делом – обезоружить врага. «Вот так вынимается затвор», – вспомнил Ашот, как учил его

Сергея. Он повернул рукоятку, открыл затвор, нажал на спусковой крючок и вытащил затвор из затворной коробки. Точно ту же операцию он проделал и со второй винтовкой. А потом, не теряя драгоценного времени, забросил оба затвора в кусты. Теперь, даже если бы казаки и обнаружили его, он еще мог от них удрать. Во всяком случае, пустить в ход винтовки они уже не могли. Но это было лишь полдела. Надо было еще уйти от казаков.

Стараясь, чтобы его не заметили, Ашот отвязал коней, с ловкостью кошки вскочил на одного из них, хлестнул его, а другого коня потянул за собой на поводу. Кони легко сорвались с места и в один миг вынесли его на дорогу, навстречу Жене. Казаки, как ошпаренные, выскочили из воды и ошалело заорали ему вслед:

- Стой!
- Стой, поганец!
- Стреляй его, вражину, Петруха!

Но Ашот не обращал на эти вопли никакого внимания. Он даже не оглянулся назад. Он подскочил к Жене и, едва остановив коней, протянул ей руку.

– Залезай скорее, – скомандовал он и, подхватив Женю за руку, почти втащил ее в седло. Потом стегнул коней и поскакал вдоль дороги. Ашот хорошо сидел в седле. А Женя так вцепилась в его куртку, что оторвать ее от него нельзя было никакими силами.

Они проскакали, не встретив никого, километра три. Однако бесконечно так продолжаться не могло. Хоть и тревожное было время, дорога не пустовала. А если бы кто-нибудь увидел столь необычных всадников, то уж, конечно, заподозрил бы что-то неладное. Поэтому у развилки дороги Ашот остановился и слез на землю. Потом быстро и ловко расседлал коня, которого вел на поводу, сбросил седло в обрыв, снял узду, закинул ее в кусты, а самого коня крепко стегнул хворостиной. Скакун заржал и, почувствовав свободу, понесся в горы.

- Куда он? – спросила Женя.
- Там, за поворотом, хороший луг. Пусть попасется. – Ашот снова забрался в седло.

Они могли продолжить путь и скоро выехали бы на большак. Но Ашот боялся большой дороги и решил ехать по тропам, а то и вовсе по кустам, лишь бы подальше от чужого глаза. Однако в горах проезжих путей не так-то много, и волей-неволей очень часто приходится ехать не там, где хотелось бы, а там, где можно. Так случилось и с ними. Как ни старался Ашот держаться подальше от большой дороги, а спуститься на нее пришлось. И скоро впереди показалось село. объехать его стороной было нельзя. Слева домишки лепились прямо к скале. Справа, сразу же за огородами, начинался обрывистый берег реки.

Проехать через село на коне или даже провести его за собой на поводу было равносильно тому, что добровольно выдать себя с головой. Конь-то явно, по всем статьям, был военный, под казачьим седлом и в армейской узде. Конечно, проще всего было бы и этого скакуна прогнать в горы и дальше идти пешком. Но до Благодати было еще далеко, и у Жени наверняка не хватило бы сил. Значит, пришлось бы останавливаться, отдыхать. А время бежало, летело, и патронов у защитников пещеры, Ашот знал, становилось меньше с каждой минутой... Нет, идти пешком они не могли. Женю надо было на чем-то везти. Надо было снова искать выход из положения, и Ашот задумался.

- А мы есть что-нибудь будем? – спросила вдруг Женя.
- Есть? – Ашот даже не сразу понял, о чем она говорит.
- Ну да, есть, – повторила Женя. – Чувствуешь, как вкусно пахнет?

Ашот невольно втянул носом воздух и сразу почуял запах шашлыка. Ел он последний раз вместе с Сергеем еще в обозе, ровно сутки назад. Пообедали они тогда, покормили раненых, двинулись по дороге дальше, а потом началось...

- Барашка жарят, – глотая слюну, сказал он.
- Может, хоть хлебца нам дадут, – вздохнула Женя.

– Шомполов нам дадут, если поймают. – Ашот остановил коня, спешился и помог Жене спрыгнуть на землю. Он кое-что уже придумал и теперь, подстрекаемый голодом, начал действовать энергично. Послав Женю наблюдать из-за камней за селом – нет ли там белых, – Ашот расседлал скакуна и, как и в первом случае, бросил седло в речку. Женя скоро вернулась и сообщила, что в селе, очевидно, никого чужих нет. Собаки не лают. Жителей тоже почти не видно. По улице бродят куры и овцы...

– Тогда иди в село впереди меня. Будто мы и знать друг друга не знаем. Ты сама по себе, а я сам по себе, – сказал Ашот. – А за селом спрячься где-нибудь и жди меня.

– Хорошо, – сказала Женя. И добавила: – Только ты недолго.

Ашот в ответ махнул рукой: «Иди!»

Женя заспешила. А он, подождав и поотстав от нее, повел коня прямо к дому лавочника.

Село было ему знакомо: он бывал в нем раньше. Ашот подошел к лавке и, привязав коня у крыльца, по ступеням поднялся в дом. В лавке хозяин и хозяйка, уже немолодые, толстые, один с аршином, другая с ножницами в руках мерили и резали материал. На Ашота они взглянули мельком и продолжали свое занятие. Покупателей в лавке не было, и Ашоту это было на руку. Он откашлялся для важности и, понизив, насколько мог, голос, спросил:

– Кто здесь хозяин?

Толстяки снова мельком взглянули на него, и мужчина сердито буркнул в ответ:

– А ты что, слепой?

– Вас двое. А мне хозяин нужен, – нимало не смутившись, продолжал Ашот.

– Зачем он тебе? – спросил мужчина.

– Дело есть, – ответил Ашот.

– Какое дело? И кто ты такой? – снова спросил лавочник.

– Табунщики мы. На Черных камнях пасем. Знаешь? – в свою очередь спросил Ашот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.